

ХРИСТИАНСТВО НА БЕЗБОЖНОМ ФРОНТЕ

№ 2

Н. БЕРДЯЕВ

**Христианство
и
активность человека**

**YMCA - PRESS
10, BOULEVARD MONTPARNASSE
PARIS**

Издательство YMCA PRESS

10, Bd. Montparnasse, Paris XV

НОВѢЙШІЯ ИЗДАНИЯ

по вопросам религии, философии и современной социальной жизни. Русские мыслители. Религиозно-художественные произведения. Жития святых. Богословие, богослужение, патристика, история церкви. Книги для юношества. Воспитание характера. Спорт. Книги для детей. Народные сказки. Учебники по русскому и иностранным языкам, русской истории, Закону Божию. Руководства по математикѣ, физикѣ, химии. Пособия по прикладным знаниям — машиностроение, архитектура, электротехника, сельское хозяйство, счетоводство, банковое дѣло.

Требуйте каталогъ Издательства.

СЕРІЯ

«ХРИСТИАНСТВО ПЕРЕДЪ СОВРЕМЕННОЙ СОЦІАЛЬНОЙ ДѢЙТЕЛЬНОСТІЮ»

(Приложенія къ журналу «ПУТЬ»)

РЪЧИ Н. А. БЕРДЯЕВА, В. Н. ИЛЬИНА, Г. П. ФЕДОТОВА, Прот. С. БУЛГАКОВА — на открытомъ засѣданіи Религіозно-Философской Академіи	фр. 3.75
А. КАРТАШЕВЪ. — Церковь и государство	фр. 3.75
М. КУРДЮМОВЪ. — Церковь и новая Россія .	фр. 3.75
И. ЛАГОВСКІЙ. — Коллективизмъ и религія ..	фр. 3.75
Б. ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ. — Трагизмъ возвышеннаго и спекуляція на пониженіе	фр. 3.75
Г. ФЛОРОВСКІЙ. — Проблематика христіанскаго воссоединенія	фр. 3.75

ХРИСТИАНСТВО НА БЕЗБОЖНОМ ФРОНТЕ

№ 2

Н. БЕРДЯЕВ

Христианство
и
активность человека

YMCA - PRESS
10, BOULEVARD MONTPARNASSE
PARIS

I.

В советской антирелигиозной литературе собраны все аргументы против Христианства. **Повторяется все, что говорили противники Христианства — Вольтер, Гольбах, Дюпюи, Фейербах, Маркс**, но в очень грубой и вульгарной форме. Сам Ленин ничего оригинального о религии не сказал, но всех превзошел грубостью и ругательствами. **Один только аргумент представляется не только центральным** и наиболее сильным, но и производит впечатление большого правдоподобия, он легко может убедить людей мало знающих и не слишком вникающих в религиозный вопрос по существу. Всякая религия и особенно религия Христианская **отрицает активность человека**, проповедует пассивность, покорность своей судьбе, смирение перед социальной несправедливостью, приучает возлагать все на Бога и этим оправдывает угнетение человека человеком. Для Христианской религии будто-бы активен только Бог, человек же пассивен, человек может только молиться и смиряться, служить молебны, ждать благодати. В советской антирелигиозной литературе это обыкновенно иллюстрируется элементарными примерами бесплодности молитв и молебнов о лучшем урожае, ожидания чуда и, наоборот, плодотворности применения усовершенствованной техники сельского хозяйства, новых машин. Молебну противопоставляется трактор. Все рассчитано на отсталость, невежество и суеверный характер религиозных масс, у которых Христианство, т. е. религия духовная, не вполне еще отделена от языческой магии.

Но Христианам приходится признать, что слишком часто в истории Христианство истолковывалось так, что человек оказывался приниженным и активность и творчество его отрицались. Богословские трактаты, православные, католические и протестантские, действительно нередко унижали и подавляли человека, отрицали за

ним всякую возможность активного и творческого воздействия на окружающий мир, на природу и общество, оправдывали исключительно консервативное чувство жизни. Такое принижение человека, сужение его возможностей связывалось обыкновенно с учением о греховности человеческой природы. Человек есть существо падшее, грехопадение подорвало его силы, сам он может делать лишь дурное и все доброе в его жизни происходит лишь от благодати Божьей. Учением о грехопадении очень злоупотребляли, пользовались им, чтобы держать человека в рабстве, оправдывали несправедливый строй жизни. Грешные люди все равно не могут создать справедливого и свободного строя общества.

Чтобы понять, откуда пошло такое толкование Христианства и такое злоупотребление идеей греха, нужно все время помнить, что в религиозной жизни людей всегда действует два начала — божественное и человеческое, дано откровение света, света, идущего от Бога и дано восприятие его людьми со всей их ограниченностью, дано отражение социальных отношений людей, отношений господства и рабства. Если бы действовал только Богъ, если бы только Бог был активен, то не было бы зла, несовершенства и страданий, то наступило бы Царство Божье. Но действует всегда и человек, человек всегда активен и активность его бывает не только хорошей, но и дурной, человек активно, а не пассивно воспринимает и самый свет, идущий от Бога, преломляет его в своей тьме, он искажает его в соответствии со своими личными и социальными интересами, он воспринимает откровение Бога в соответствии своему социальному положению, он с трудом поднимается до духовного понимания Христианства.

Человек часто по рабски понимал Христианство и самое отрицание активности человека было порождено дурной активностью человека, самое унижение человека было дурным человеческим искажением Христианства. В действительности же неискаженное Христианство прежде всего учит о достоинстве человека, оно подымает человека вверх, а не опускает его вниз. Сущность Евангелия — искание Царства Божьего. Ищите прежде всего Царства Божьего. Это и есть главное в Христианстве. В Евангелии сказано, что Царство Божие берется силой. Но искание Царства Божьего есть искание совершенной жизни,

искание полноты жизни, в него входит всяческая правда. Искание Царства Божьего не может означать послушание перед неправкой и несправедливостью на том основании, что человеческая природа греховна. Грех побеждается самым активным исканием Царства Божьего, лучшей, совершенной, полной и цельной жизни. Можно было бы сказать, что Христианин вечный революционер, он не может быть доволен никаким строем жизни, он ищет Царства Божьего и правды Его, т. е. самого радикального изменения человека, общества и мира. Он отличается от внешних революционеров не меньшим радикализмом своих идей, а требованием согласования средств с целями, т. е. отрицанием ненависти и насилия, как путей осуществления совершенной жизни.

Христианство совсем не значит, что все время надо ждать чуда, как чего-то приходящего извне и совершающегося над человеком помимо того, каков сам человек. Такое пассивное ожидание чудес даже осуждается, как соблазн. Самая возможность чудесного в жизни предполагает духовную активность человека. Вл. Соловьев как то сказал: нечестиво возлагать на Бога то, что может сделать простая юстиция. Так же можно сказать: нечестиво возлагать на Бога достижение хорошего урожая, когда это может сделать человеческая техника, улучшение сельского хозяйства. И так во всем. Бог сам хочет, чтобы более совершенная жизнь достигалась и через человеческую науку и цивилизацию, через медицину и технику. Но внутреннее совершенство жизни, изменение человеческих душ не может быть достигнуто никакой наукой и техникой, оно предполагает духовное отношение человека к Богу.

Утверждение, что Христианство враждебно активности человека, противоречит прежде всего истории. Мы видим, что самая большая активность человека раскрылась именно в Христианский период истории, и наибольшая активность и динамизм свойственны народам, принявшим Христианство, т. е. народам Запада. Христианство оказалось силой, создающей историю и движущей историю. Это приходится признать и противникам Христианства. Народы древних цивилизаций Востока (Китай, Индия, Персия), не принявшие Христианство, выпадают из всемирной истории, они застывают, живут прошлым, не обращены к будущему. Именно Христианство обладало способностью обращать народы к будущему.

Это объясняется мессианским характером Христианства, верой в то, что мир идет к всеразрешающему концу, к Царству Божьему. Самое понятие истории, как динамического процесса, имеющего смысл, движущегося к высшей цели, создано Христианством. Оно связано с тем, что в середине истории явился Христос Спаситель мира, т. е. воплотился Смысл мирового процесса. Древним грекам и всей античной цивилизации чуждо было само понятие истории, сознание их не было обращено вперед, им свойственна была идея круговорота. Древний грек был созерцателем, а не активен, он эстетически созерцал красоту космоса, мировой гармонии, его религия была связана с мифами прошлого. В прошлом даны были главные события.

Христианство же обращено не только к прошлому, но и к великому будущему, ко второму пришествию Христа, к Царству Божьему, к концу мира, **в котором долженъ осуществиться смысл.** Динамизм, внесенный Христианством в историю человеческих обществ, связан с этим исканием Царства Божьего, т. е. с исканием совершенной жизни. Только Христианству свойственно это напряженное искание, это недовольство данным миром, только Христианство привило человеческой душе это беспокойство. Только совершенство, подобное совершенству Отца Небесного, может удовлетворить человека.

Все социальные утопии XIX века, все идеологии совершенного и справедливого социального строя стали возможны только в Христианском мире, все они есть перенесение в социальную среду Христианской идеи Царства Божьего. И идея Маркса о мессианстве пролетариата религиозного происхождения, но более юдаистического, чем христианского. Греко-римская цивилизация, аристократическая по своему принципу, презирала труд, считала его достоянием рабов. От Христианства, от Евангелия, идет освящение труда и трудящихся. Сам Христос был трудящимся, рабочим. «Трудящийся достоин пропитания», говорит Христос (от Матфея, гл. 10, 10). «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь», говорит Апостол Павел (Втор. Послание к Фессалоникийцамъ, гл. 3, 10). Евангельские притчи о талантах, о винограднике говорят о человеческом труде, о человеческой активности, о творческих человеческих дарах. Человек должен вернуть Богу умноженные таланты (от Матфея, Гл. 25,

15-28; от Матфея, Гл. 21, 28-31; от Луки, Гл. 13, 6-9). Труд, активность человека, должна приносить плоды. Человек призывается возделывать землю, всегда возвращать больше, чем ему дано. Пассивность человека невозможно оправдать Евангелием. Именно Христианство утверждает достоинство всякого человека, как образа и подобия Божьего.

И оно раскрывает перед человеком бесконечность в путях его совершенствования, которое нельзя понимать только индивидуально, которое имеет и социальный смысл. Христианство признает человека духовным существом. А дух активен, в этом его определение. Материя пассивна и инертна. Духовное существо не может не стремиться к бесконечности, к совершенству, к полноте жизни. Стремление же это предполагает движение, динамику, активность. Именно Христианство освободило человека от власти природы, от природных стихий, в которые был погружен древний языческий человек. В мире языческом повсюду видел человек в природе демонов и духов, он страшился их, трепетал перед ними и сознавал свою зависимость от них. Христианство освободило человека от древнего ужаса перед хаосом, скрытым за природой, перед темными демоническими силами, оно освободило человеческий дух от этой подавленности, поставило человека на ноги, подчинило судьбу человека Богу, а не стихийной природе, т. е. внутреннему, а не внешнему. Человек не мог научно познавать природу и технически овладевать ею, пока природа представлялась ему населенной демонами и духами, от которых зависит его жизнь. В этом причина **ограниченного развития естествознания и техники в древнем мире**. Христианство освободило человека от этого пандемонизма, от этой подавленности демоническими стихийными силами и этим духовно подготовило возможность развития естественных наук и техники, овладение природой и подчинение ее человеку.

Это обнаружилось не сразу. Человек должен был пройти в период средневековья через аскетическую и духовную борьбу с природой въ себе и вокруг себя, должен был сперва оттолкнуться от природы, которой был подчинен в язычестве. Но развитие науки и техники в новое время стало возможным лишь благодаря духовному освобождению человека, которое принесло с собой Христианство. Естествознание и техника могут восстать против Христианства, но они не

были бы возможны без предварительного дела, совершенно-го Христианством, дела внутреннего освобождения человеческого духа. Победить мир, подчинить его себе может лишь существо, которое возвышается над миром, не является его бесконечно малой, дробной частью, лишь продуктом и отражением происходящих в мире процессов, которое имеет иной, внутренний источник силы. Мир можно победить лишь в том случае, если мир видимый, со всех сторон нас обступающий и насилующий, есть лишь часть мира невидимого, в который мы вторжены и из которого черпаем свою преображающую творческую энергию. Но этому и учит Христианство. Этого не замечают и в это не вникают те, которые борются с Христианством во имя активности человека, они остаются на поверхности.

II.

Переходим к вопросу по существу. Как учит Христианство о человеке, унижает ли оно человека или возвышает? Нас интересуют сейчас не разнообразные искажения Христианства в истории, не то, как им пользовались для тех или иных человеческих интересов, а Христианство в его сущности и чистоте, в его внутреннем, часто сокровенном действии на человеческую душу. В самом Христианском откровении, в Евангелии, в Христианском учении о Царстве Божьем, о том, что Бог из любви к человеку и миру, отдал Сына своего единокровного, нигде не видно, чтобы человек унижался и активность его отрицалась. Евангелие требует от человека активности, активного совершенствования, активного служения ближнему, активного искания Царства Божьего, которое достигается лишь усилием.

Все учение европейского гуманизма, когда он еще не вступил в период упадка и разложения, о высшем достоинстве человека, о ценности всякой человеческой личности и ее бесконечных правах Христианского происхождения. Христианство действовало на глубинной слой души и изменяло, преображало жестокую, полу-звериную, варварскую человеческую природу, хотя потом в сознании человек и изменил Христианству, потерял веру. Без этого внутреннего изменения человеческой природы Христианством никогда не было бы преодолено рабство, не было бы утверждено равенство

людей, которое есть прежде всего равенство перед Богом, не была бы завоевана свобода человеческой совести, ее независимость от государства.

Это не значит, что Христиане в истории, Христианские власти, Христианские иерархи боролись против рабства и уничтожали его, они могли часто даже защищать рабство. Но это значит, что Христианство внутренне изменило человеческие чувства и оценки, что оно привело к такому пробуждению и просветлению человеческой совести, которое сделало рабство нестерпимым. Результатом этого перерождения человеческой совести и чувств воспользовались целиком и те, которые перестали себя считать Христианами. Величайшие философы древности, Платон и Аристотель, не могли возвыситься до того сознания, которое после Христианства стало доступным всякому среднему человеку. Это не значит также, что Христианские власти и Христианские иерархи всегда признавали свободу совести, они часто отрицали и попирали ее, сжигали людей за их религиозные верования. В церковной практике часто унижался человек. Но это целиком относится не к тому, что Бог открыл человеку через Сына, через Христа, т. е. не к сущности Христианства, а к человеческому восприятию, человеческой ограниченности и непросветленности, к человеческому искажению для своих целей самого Христианского откровения.

Но свобода человеческой совести по настоящему была утверждена только Христианством. В античной цивилизации, в Греции и Риме человек целиком зависел от Государства - Города, религия была государственной, человек не обладал внутренней духовной свободой. В древних монархиях Востока человек окончательно был рабом. Лишь Христианство впервые утвердило духовную независимость человека от природы и государства, поставило его перед Богом и отвергло суд государства и внешнего общества над его отношением к Богу. Христианские мученики, отказавшиеся поклониться Кесарю, духовно завоевали свободу совести. На это скажут, что в истории Христианство подчинялось государству, и было его послушным орудием, пользовалось его мечом, что сжигали еретиков, что была инквизиция, которой не знала древняя Греция. Но это всегда и было пережитком язычества в христианском человечестве, человеческим искажением истины христианства, насилием

государства и непросветленного, варварского языческого общества над христианством и христианской совестью. Поэтому, когда мы говорим о роли христианства в истории, то всегда нужно иметь в виду не действия христиан в истории, не действия властей, которые назывались христианскими, не действия христианской иерархии, которая сплошь и рядом была недостойна христианства, а о внутреннем действии христианской совести на душу людей, на эмоциональную жизнь людей, на совесть людей.

Христианское учение о человеке не исчерпывается тем, что человек есть существо падшее и греховное и потому обессиленное и ждущее помощи свыше. И не это самое главное. Прежде всего и пасть могло лишь существо высоко поставленное, пасть можно лишь с высоты. Отпасть от Бога мог лишь свободный дух, а не раб природной необходимости. А вот что самое главное в христианском учении о человеке. Человек несет в себе образ и подобие Божье, он есть отображение высшей природы, он есть творение Божье и дитя Божье, а не капля в океане природной жизни, не порождение процессов природы, не ведающее свободы. Эта высшая природа человека, как свободного духа, не могла быть уничтожена и истреблена грехопадением. Дело Творца не могло быть окончательно уничтожено. Как образ и подобие творца мира, человек сам есть творец и призван к творчеству. Книга Бытия учит, что человек был сотворен царем тварного мира, обработателем и устроителем земли, он давал имена вещам. Самое грехопадение указывает на то, что у человека есть сила и свобода, которые могут быть направлены и на добро и на зло. Но христианство учит также, что Сын Божий, который есть Бог, стал человеком, воплотился и вочеловечился, и что этим человеческая природа поднята на необычайную высоту и для нее раскрыта возможность обожения. Сын Божий есть также и человек, сын человеческий. И потому человек есть сын Божий, человек усыновлен Богу. Тайна христианства не может унижать человека, она возвышает человека. Через Христа-Богочеловека человек получает творческую силу, которая ставит его выше природы.

В простонародном христианстве, христианстве средней, непросветленной человеческой массы, есть много элементов суеверных, много остатков язычества, которые после христианства и внутри христианства выглядят хуже и темнее,

чем древнее, дохристианское язычество. Такое христианство, действительно, часто подавляет и унижает человека, превращает его в дрожащую тварь. Антирелигиозная пропаганда очень облегчает свою задачу тем, что имеет дело с таким казенным христианством, с пережитками языческих суеверий в христианстве, она знает скорее языческую магию, чем христианскую мистику. Представители этой пропаганды, повидимому, и не знают о существовании другого христианства. Но совсем не таково христианство высоты, чистая сущность христианства. Христианство есть религия Богочеловека и Богочеловечества, внутренней близости человека и Бога, оно предполагает веру не только в Бога, но и в человека, в возможность соединения божественного и человеческого, в нисхождении Бога до человека, в возвышении человека до Бога.

И другие исторические религии — юдаизм, магометанство, браманизм — верили в Бога. Но христианство, и исключительно христианство верит не только в Бога, но и в человека, в Богочеловека и Богочеловечность. Это и есть главная особенность христианства, его специфическая черта. Христианство есть религия воплощения Духа и преображения мира, а не мироотрицание и человекоотрицание. Это индуское религиозное сознание отрицает человека и растворяет его в безликой божественности. Христианство утверждает человека, хочет его преобразить и приготовить для вечности. Церковь отвергла квиетизм, который учил о совершенной пассивности человека, отвергла учения, отрицавшие действие человеческой свободы. Человек может быть активен, может овладевать природными стихиями и в себе, и вокруг себя, может быть организатором и устройте-лем мира в том лишь случае, если в человеке есть духовное, возвышающееся над природой начало, если он не только порождение природной и социальной среды, т. е. если в нем есть активное начало, независимо от внешних воздействий. Но о существовании такого внутреннего активного духовного начала как раз и учит христианство. Менее всего об этом учит материализм.

III.

Может ли утверждать активность человека материализм философский и исторический? Фактически его сторонники

это делают, но остаются ли верны его принципам те, которые это делают, могут ли они оправдать себя логически? Марксизм очень актуален и марксисты призывают к активности. Но учит ли марксизм о человеке так, что активность человека оправдывается? Конечно, нет. Само по себе учение о том, что экономика определяет всю человеческую жизнь, что вся история движется развитием материальных производительных сил, что вся идеология есть лишь отражение экономической действительности, есть учение пассивное, оно не оставляет места для творческой инициативы человека. Все, что человек думает, и все, что он делает, есть лишь отражение материальной действительности, человек движется вне его находящимися безличными материально-социальными силами.

С этой трудностью по марксистски оправдать активность человека, особенно необычайную активность русских коммунистов, связан кризис современной советской философии. Пытаются внести поправки к марксизму, ограничить социальный детерминизм марксизма, преодолеть механический материализм, признать возможность самодвижения в мире, не определяющегося внешней средой. Молодые русские коммунисты хотят строить философию, которая оправдала бы их активизм*). Но это достигается путем жертвы логикой и насилия над философской терминологией. Внутрь материи переносится свобода духа, материя наделяется жизнью, активностью, логикой, свободой, возможностью произвольного движения. Материя и материальный процесс, при правильном употреблении философской терминологии, не могут быть активными, им не присуще свободное самодвижение, им нельзя приписывать никакой диалектики. Материя инертна и пассивна. Активен лишь дух, активность предполагает духовное начало. Если человек лишь маленький кусок мировой материи, лишь порождение и продукт материальной природы и социальной среды, если он лишь преходящий момент и орудие материальных природно-социальных процессов, то ни о какой активности человека не может быть и речи. При таком мирозерцании вообще активности в мире нет, ибо все определяется извне, все есть лишь отражение чего-то

*) См. мою статью «Генеральная линия советской философии и воинствующий атеизм». № 34 «Путь».

другого, все есть результат необходимости. Если диалектический материализм марксистов-ленинистов утверждает неслыханную активность человека, социального, конечно, человека, способного по своему переделать весь мир, и даже отменять законы природы, то это достигается перенесением свойств духа в недра материи при непозволительном насилии над установившейся терминологией, как это уже было сказано. Материализм остается часто словесным, условным символом, по существу же он отменяется.

Тут мы подходим к самому главному аргументу антирелигиозной пропаганды, к самому, казалось бы, сильному нападеению на христианство и к главному возражению против этого аргумента. Защита активности человека оказывается совершенно фиктивной. У тех, которые обвиняют христианство в отрицании активности человека, не только не оказывается активности человека, но в сущности человек совсем отрицается.

Советское марксистско-ленинистское миросозерцание утверждает **не активность человека, а активность общества или социального коллектива, подавляющего человека и превращающего его в свое орудие.** Активность человека предполагает признание за человеком творческой инициативы, свободы действия. Человек активен, если он свободное духовное существо, обладающее безусловной ценностью, если он не превращен в простое средство для общественного процесса. Человек активен, если он создает общественный процесс, а не общественный процесс его создает. Советский активизм совсем не есть человеческий активизм, человек, каждый человек есть лишь послушный исполнитель социального приказа. Материалистический коммунизм отрицает самого человека, он признает первоначальной и единственной реальностью социальный коллектив, который, действительно, считает необычайно активным и всемогущим. Человек есть лишь пассивное и послушное орудие этого коллектива. Перенимая христианскую терминологию можно было бы сказать, что вся активность исходит исключительно от «благодати» коллектива, от коммунистической партии, а не от свободы человека. Коллектив, коммунистическая партия, коммунистическое общество подменяет тут Бога. Христианство обвиняется в том, что оно считает активным лишь Бога, человека же пассивным. Таким образом, христианство истол-

ковывается, как фатализм. Бог действует помимо человека в мире, не через человека, а над человеком, человек не самостоятельный субъект, а лишь объект для действия Бога. Действует лишь благодать, а не свобода человека. Но мы знаем, что католическая церковь осудила окказионализм — учение, согласно которому в мире действует лишь первая причина, т. е. Бог, причины же вторичны, природа и человек, лишь повод для действия этой первой причины.

Христианское сознание всегда восставало против фаталистического понимания действия Бога в мире. Бог действует в мире не над человеком, помимо самого человека, а через человека, через человеческую свободу и человеческую активность. Это выражается в мудрой народной поговорке: на Бога надейся, а сам не плошай. Ведь с гораздо большим основанием я могу сказать, что если человек есть лишь отражение материальных общественных процессов, то совсем не человек активен, активна природа и общество, человек же есть пассивное орудие природного и общественно-го процесса. Человек пассивно исполняет веления природного и общественного процесса.

На это марксисты-ленинисты могут сказать, что природа и общество действуют через активность человека, через активную борьбу классов. Они будут протестовать против фаталистического истолкования марксизма. Новейшая советская философия даже не согласна признать марксизм детерминизмом и готова признать индетерминизм, т. е. свободу самой материи. Осуждается механицизм, который отрицает такую активность борющихся людей. Но, позвольте, почему же считается возможным истолковывать христианство в духе своего рода механицизма? Предполагают, что Бог действует на человека как бы механически, в форме толчка извне, совсем как механицизм истолковывает движение материи. Гораздо больше имеет смысла и основания христианство понимать так, что Бог и Божья благодать действует через активность человека, и в самой активности человека, а не над человеком и помимо него, действует изнутри, а не извне, действует на самую свободу человека, просветляя и укрепляя ее. Уж во всяком случае скорее можно представить себе такие отношения между Богом и человеком, т. е. отношения духовные и, значит, свободные, чем отношения между материалистически понятой природой и обществом и челове-

ком. Материальные отношения всегда означают внешнее насилие. Бог, как существо духовное, только и может действовать изнутри, в глубине человека, в глубине человеческой совести, действовать на человеческую свободу и через эту свободу. И вера в Бога означает веру в эту внутреннюю силу, просветляющую и укрепляющую человеческую свободу.

Действие природы и общества, действие центрального комитета коммунистической партии на человека совсем не предполагает свободы человеческого духа и внутренней активности человеческого духа. Природа и общество могут действовать на человека извне, а не изнутри, могут насильствовать человека, принуждать его действовать так или иначе. И, действительно, человек постоянно чувствует себя насильственным окружающей его природой и обществом, он чувствует себя в рабстве у мира природного и социального. Активность человека сплошь и рядом есть лишь приспособление к требованиям природной и социальной необходимости, приспособление защитительного характера. Человек страшится наступающей на него природы и общества, и его активность есть прежде всего реакция самосохранения. Творческая активность встречается лишь тогда, когда человек духовно возвышается над требованиями окружающей среды, природной и социальной, когда он не ею изменяется, а ее изменяет.

Активностью в строгом смысле слова нужно назвать лишь то, что идет изнутри во вне, а не извне внутрь. Если я по целым дням, с утра до вечера совершаю принудительные работы по приказу господствующих социальных классов, государства или общества, социального коллектива, центрального комитета партии, то я пассивен, а не активен. Труд может быть пассивен. Таков всякий рабский труд, не только в обществе рабовладельческом, но и в обществе капиталистическом, и в обществе коммунистическом. Конечно, можно человека так вымуштровать, что он будет испытывать удовольствие от исполнения требований общества, будет себя чувствовать вполне свободным в своем рабстве, активным в своей пассивности, можно превратить его в дисциплинированное социальное животное. Но образ человека тогда теряется, достоинство человека исчезает. Человеческое общество уподобляется муравейнику. И раньше

или позже человек возмутится, как подпольный человек у Достоевского. А вот действие Бога на человека непременно предполагает свободу духа и активность человеческого духа. Это действие нельзя представить себе внешним и механическим. Когда себе представляли действие Бога на человека внешне и механически, отрицали свободную активность самого человека, то это действие представляли себе по аналогии с действием сил природы или общественных властей, то переносили на Бога социальные отношения господства и подчинения. Только внутреннее действие духа на дух предполагает свободу и активность, как субъекта действия, так и объекта действия, исключает насилие и пассивность. Но Бог есть дух, и Он действует на человека, как на духовное существо. Дух есть свобода и активность, таково определение духа.

Рабство человека, которое так часто встречалось в религиозной жизни, не только языческой, но и христианской, всегда означало недуховное понимание религии, отражение в самом христианстве социального рабства человека. Религиозное откровение постоянно искажалось социальным рабством человека, оно по рабски воспринималось. И тогда действие Бога на человека понималось, какъ действие природной и общественной силы, а не как действие духа на дух. Именно общество, в совершенстве механически организованное, может действовать на человека извне и требовать от него активности, нужной для общества, оставляя человека внутренне пассивным, в рабском состоянии. Насилия и тиранства, которыми полна история христианства, история церкви, всегда были насилиемъ и тиранством не Бога, не духа, а человеческого общества, организованного по отношениям господства и подчинения и прикрывающегося христианскими символами, знаками и формулами. Бог понимался по аналогии с государственной властью, он представлялся самодержавным монархом. Церковь понималась, как монархическое государство. На религиозную жизнь переносились социальные отношения и связи. Тутъ многое можно объяснить по марксистски, согласно историческому материализму. Но что это значит? Это только значит, что все, что было рабского, и отрицающего активность человека в религиозной жизни, в самом христианстве, было не религиозного, а социального происхождения, было искажением и ограничением духа об-

ществом и природой, которые и признаются единственными реальностями теми, которые ведут антирелигиозную пропаганду. Они отрицают дух, который и есть единственный источник активности и свободы, высшего достоинства человека, и признают верховными реальностями природу и общество, которые и были источником пассивности и рабства человека. Они той же породы, что и лже-христиане, извращавшие в прошлом христианское откровение.

Активность человека основана на том, что дух овладевает природой и обществом, подчиняет их себе. Тогда только и отношения человека к природе и обществу делаются свободными, свободно активными. Главный аргумент антирелигиозной пропаганды не только совершенно отпадает, но он обращается против тех, которые его выдвинули. Те, которые борются за активность человека, должны бороться за дух, против неограниченной внешней власти общества над человеком.

IV.

Не христианство, взятое в его чистоте, отрицает активность человека, а материалистический коммунизм, марксизм. Для этого материалистического мирозерцания человек не субъект, а объект. Это и значит, что человек не активен, ибо активен лишь субъект. Если человек лишь объект воздействия общества, проводник общественных влияний и требований, то он не активный субъект. Непонятно, в чем же активный элемент в человеке, т. е. элемент внутренний, невыводимый извне, из общества. Активность человека, которая утверждается социальным материализмом, есть активность усовершенствованного автомата. Человек превращается в непрерывно и автоматически действующую машину, которая заводится органами общества. Из человека вынута его внутреннее ядро, его свободное духовное начало, т. е. то, что и делает человека человеком. Сам человек, из самого себя, из своего нутра ничего не может и ничего не смеет, он может и должен действовать лишь потому, что его заводят извне, заводит общество, социальный коллектив, центральный комитет партии и пр.

Смешно, когда в советской антирелигиозной литературе христианство обвиняется в отрицании активности чело-

века, в унижении человека. В действительности советское мировоззрение возвеличивает совсем не человека, а машину, усовершенствованный социальный автомат. Не человека, а машину признает оно активной, необычайно и неслышанно активной. Автомат-машина приводится в действие центральными органами социального коллектива. Человек тут пассивен, он лишь средство и орудие. Человек бесспорно призван к активности, к действию, он не может быть только созерцателем. Но возможен и ложный, бессмысленный активизм, не всякий активизм хорош. Ложный активизм, который не дает человеку возможности одуматься, не дает ему передышки, который превращает каждое мгновение жизни в средство для последующего мгновения, разрушает человека, его внутреннюю жизнь, умерщвляет его душу. Человек принадлежит не только времени, но и вечности, и из вечности, из духовной основы черпает силы для активности во времени. Активность есть функция человека, а не человек функция активности, как то бывает для ложного активизма, разрушающего вечность. Нечего говорить об активности человека, когда человек, в его внутренней природе и непреходящей ценности отрицается и превращается в простое средство социальной активности, в одну из усовершенствованных машин. Таким образом, не средства подчиняются цели, а цель подчиняется средствам. Те, которые стоят за окончательную механизацию и технизацию человеческой жизни, не могут говорить о настоящей активности самого человека. Ложный активизм отрицает ценность самого человека, поработает человека потоку времени и воздействиям времени, разрушает вечность. Но человек, сам человек, действует активно в том лишь случае, если он есть духовное существо, если в нем есть ядро, не определяющееся извне. И он есть духовное существо в том лишь случае, если он принадлежит и вечности, если в нем есть вечное начало, независимое от времени. Но этому как раз и учит христианство, а не марксизм, не материализм.

Великий христианский мыслитель конца XIX века Н. Ф. Федоров, недостаточно еще оцененный, автор «философии общего дела» утверждал необычайную активность человека, он верил, что человек призван овладеть стихийными силами природы, подчинить себе мировые пространства, победить смерть. Активные задачи, которые он ставил перед че-

ловеком, были более грандиозны, чем те, которые ставят себе марксисты-ленинисты, пассивно примиряющиеся с торжеством смерти, т. е. с самым страшным злом. Н. Федоров, философия общего дела которого имеет формальное сходство с марксизмом-ленинизмом при противоположности духа и конечной цели, мог верить в неслыханную активность человека, потому что он верил в человека. И эта вера в человека получена им от христианства, не от внешнего и извращенного христианства, а от внутреннего и чистого христианства.

Если-бы Н. Федоров был материалистом, то такая вера в активность человека была бы нелепостью. В христианстве очищенном и возрожденном должна быть более раскрыта и оправдана активность человека. Н. Федоров это и делает. Марксисты-ленинисты противопоставляют пассивности и вялости старого христианства необычайную активность своего переустройства жизни, индустриализации, пятилетки. Невозможно отрицать активность советской молодежи, ее жажду дела. Ленин как-то говорил, что его главная задача победить Обломова*). И, вероятно, одним из главных положительных результатов революции будет исчезновение образа Обломова, победа над старой русской ленью. Но вряд-ли обломовщина может быть отнесена на счет христианства. Обломов был очень плохой христианин. Тут не христианство, а русское свойство, воспитанное крепостным правом. Православные строители русского царства, как-бы к ним ни относиться, совсем не были Обломовыми. Обломовщина есть порождение барства петровской эпохи.

Но необходимо вникнуть в характер активности советской молодежи. Прежде всего признается только один род активности, активность экономически-техническая, ибо ценности экономические и технические признаются высшими и единственными ценностями. Весь процесс жизни подчиняется этим экономическим и техническим ценностям. Активность означает индустриализацию страны по пятилетнему плану, которая отождествляется с социалистическим строительством, и больше ничего. Все другие, и при том высшие формы человеческого творчества или отрицаются или утесняются и подчиняются целям экономическим и техническим. Ак-

*) Герой известного романа Гончарова.

тивность сведена к механизации, машинизации, технизации жизни. Но такие результаты активности имеют обратное действие на самого активного субъекта, на человека — он сам механизмуется, превращается в машину, в автомата. Человек превращается в послушное социальное животное. Раб, которого заставили работать с утра до вечера, тоже был активен, но это была активность пассивная. Такое же рабское положение труда существует и в обществах капиталистических. Это рабство остается и в обществе коммунистическом. Во вне человек необыкновенно активен, совершает активные жесты, но внутренне он пассивен и послушен, исполняет приказы из центра, его активность напоминает активность заводимого автомата.

Даже в философии советский молодой человек должен исполнять директивы верхушки коммунистической партии, должен обосновывать на территории мысли социалистическое строительство согласно пятилетнему плану. То же самое в искусстве, в литературе. Повсюду исполняется социальный заказ и приказ, т. е. мысль и творчество человека оказывается орудием социального коллектива. Внешняя активность связана с внутренней пассивностью, с пассивной послушностью воли и мысли. Человеческий дух не только не должен быть активен, не только не должен иметь творческой инициативы, но он должен быть приведен в состояние совершенной пассивности и даже совершенно угашен, и тогда только появится максимальная внешняя активность. Это и есть рационализация человеческого существования, рационализация всей жизни.

Такого рода рационализация и технизация есть, конечно, результат неслыханной активности, но это активность автомата и машины, а не человеческого духа. Активность, которую признает христианство, есть прежде всего активность человеческого духа, а не автомата и машины, машина же должна быть подчинена духу, должна стать его послушным орудием.

Когда современные люди, и особенно советские молодые люди, говорят об активности и строительстве, то они считают решенным, что только один вид активности и строительства заслуживает этого наименования — технический и экономический. Наука и искусство признаются активностью в том лишь случае, если они подчинены техническому и

экономическому строительству. Если вы построили фабрику или аэроплан, если вы устроили колхоз, то вы активны, вы что-то действительно реализуете. Так думают не только русские коммунисты, так же думают и европейские и американские буржуа-капиталисты. Так свойственно думать обездушенной технической эпохе, в которой померкли цели жизни, и человек поглощен средствами жизни. Почему же изменение отношений человека к человеку, очеловечение и облагораживание этих отношений не есть активность, не есть реализация новой, лучшей жизни? Почему не есть реализация новой, лучшей жизни духовная активность, изменяющая самого человека, просветляющая его природу. Реализация и активность сейчас отнесены к средствам и орудиям жизни, а не к ее целям и смыслу.

В Советской России существует сейчас идолопоклонство перед техникой, суеверное отношение к машине. Такое отношение возможно лишь в стране технически отсталой, когда для народа, еще очень темного, все ново и необычайно в этой области. Лозунг Ленина «электрофикация всей России» казался очень смелым, дерзновенным, революционным. Но в действительности это самый обыденный, самый прозаический лозунг, в котором нет ничего особенного для стран технически более развитых и передовых. Чудеса техники должны представляться русскому народу действительными чудесами, в буквальном, а не в переносном смысле слова, они должны вызывать в себе почти религиозное отношение. Техника представляется магией, да она и действительно развилась из магии и ставит себе ту же задачу покорения природы. Издевательство над чудом есть один из самых использованных мотивов антирелигиозной пропаганды. Ожидание чуда, мольба о чуде отождествляются с отрицанием человеческой активности, с пассивностью и приниженностью человека. Чудеса техники должны победить чудеса религиозные.

Но в действительности, с религиозной точки зрения, нельзя понимать чудо так, что оно совершается над человеком при совершенной его пассивности. Это — естественное отношение к чуду. Чудо совершается при активном участии человека, чудо совершается лишь для тех, которые достойны чуда, которые заслужили его своей духовной активностью. Чудо

совсем не есть отрицание и отмена законов природы, оно всегда действует через природные силы и в них, но есть обнаружение новых духовных сил, превышающих данную замкнутую систему природных сил. Принципиальное отрицание чуда основано на предположении совершенной замкнутости и законченности природы, на взгляде на природу, как на систему сил, действующих в совершенно закупоренном помещении. Но это есть совершенно догматическое предположение. В действительности система природы, данная в нашем чувственном опыте, вставлена в бесконечность, и в нее могут вторгаться новые силы, изменяя результаты взаимодействия сил. Чудо есть понятие относительное, и оно может означать лишь активное вступление в систему действующих сил новой, еще большей духовной силы. То, что называют чудесным исцелением больного, есть обнаружение духовной силы, которая побеждает разрушительные природные силы. Чудо — активно, оно предполагает активность духовных сил в человеке. Совершенно нелепо противопоставлять чуду технику, они принадлежат к разным порядкам. Чудо есть обнаружение духовных сил, в котором смысл должен победить бессмыслицу природных процессов. Техника же не есть обнаружение новых сил, а комбинация существующих природных сил, подчиненная практическим целям человека.

Нужно признать, что есть частичная правда в том, что Маркс и марксисты говорят о религии и христианстве. Не нужно бояться этой правды. К религиозной жизни человеческих обществ примешивалась классовая корысть и классовая ложь. Религией нередко оправдывали угнетение человека человеком. Но эта правда о неправде религии относится целиком к внешней, социальной стороне религиозной жизни, которая представляется марксистам единственной реальностью. Марксисты-ленинисты в сущности никогда не видят «религию», они видят лишь «политику», искажавшую религию. Такова их изначальная установка. Они не в состоянии увидеть никакой глубины, ничего внутреннего и духовного, жизнь выброшена для них на поверхность, и они видят лишь поверхность вещей. Попытки увидеть с точки зрения исторического материализма классовую эксплуатацию и классовое угнетение в самом Евангелии, в образе Христа, производят жалкое впечатление, да, правду сказать,

этого и не пытаются особенно делать. Обыкновенно предпочитают ограничиваться человеческими злоупотреблениями и извращениями христианской истины в истории, это гораздо легче. Бесспорно, и христианская жизнь человеческих обществ отражает социальные отношения господства и подчинения, социальное угнетение, выражает рабство человека. Но христианское откровение, христианская истина не имеет к этому никакого отношения, они имеют духовный, а не социальный источник, означают прорыв духа в наш природно-социальный мир.

Отрицание человеческой активности христианским сознанием было лишь выражением греховной подавленности человека, человеческого рабства и страха. Но сущность и смысл христианства в том, что оно освобождает человека от подавленности, рабства и страха. Этим христианство освобождает творческую активность человека, восстанавливает его утерянное достоинство. Активность человека имеет внутренне-духовный, а не внешне-социальный источник. Человек призван действовать в обществе, в социальной среде. Но он может проявлять активность и овладевать социальной средой и социальными отношениями, подчинять их целям духа в том лишь случае, если он исполняет своей активностью не веление этой среды и этих социальных отношений, — а силы более глубокой, внутреннеей, духовной.

Для того, чтобы действовать, человек должен установить для себя, что является высшей ценностью, целью и смыслом жизни. Этого понимания высшей ценности, цели и смысла жизни он не может почерпнуть из окружающего — природного и социального мира, которым он и должен сообщать ценность, цель и смысл. Христианство учит, что есть высший и вечный источник ценности, цели и смысла. Этим оно духовно возвышает человека над окружающей средой, над рабством у этой среды, делает возможным для человека изменять, улучшать, преобразовать природную среду, подчинять ее человеческому духу, осуществлять в ней высшую ценность и смысл. И, что самое главное, христианство дает смысл и ценность личному существованию человека, чего не дают никакие социальные учения.

Imp. de Navarre: 5, rue des Gobelins, Paris

Издательство YMCA PRESS

10, Bd. Montparnasse, Paris XV

Серія брошюръ:

«ХРИСТИАНСТВО, АТЕИЗМЪ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

- № 1. Н. БЕРДЯЕВЪ. — О достоинствѣ христіанства и недостоинствѣ христіанъ фр. 2.—
- № 2. Б. ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ. — Вѣра, невѣріе и фанатизмъ фр. 2.—
- № 3. С. ФРАНКЪ. — Матеріализмъ, какъ міровоззрѣніе фр. 2.—
- № 4. В. Н. ИЛЬИНЪ. — Матеріализмъ и матерія. фр. 2.—
- № 5. Б. ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ. — Христіанство и социальный вопросъ фр. 4.—
- № 6. В. Н. ИЛЬИНЪ. — Атеизмъ и гибель культуры фр. 2.—
- № 7. Г. ФЛОРОВСКІЙ. — Жилъ ли Христосъ? Историческія свидѣтельства о Христѣ .. фр. 4.—
- № 8. В. В. ЗЪНЬКОВСКІЙ. — О чудѣ. Возможность и реальность чудесъ фр. 2.—
- № 9. Н. БЕРДЯЕВЪ. — Марксизмъ и религія . фр. 4.—
- № 10. С. БУЛГАКОВЪ. — Марксъ, какъ религіозный типъ фр. 2.—

Вся серія въ 10 брошюръ фр: 21.50

Серія

«ХРИСТИАНСТВО НА БЕЗБОЖНОМЪ ФРОНТѢ»

- № 1. Н. БЕРДЯЕВЪ. — Христіанство и активность человѣка фр. 3.—
- № 2. С. ФРАНКЪ. — Личная жизнь и социальное творчество фр. 3.—
- № 3. Г. ФЕДОТОВЪ. — Социальное значеніе христіанства фр. 3.—

Цена 3 фр.